

паремии, подчеркивающих значимость отраженной в паремии ценностной позиции социума: *Пословица недаром же говорит, что свет не без добрых людей, и на наш пай добродетельные души окажутся!* (В. Крестовский); *Верно говорят: «Мир не без добрых людей», – сказала Вячеславу Ивановичу любимая жена, выслушав его рассказ об удивительном происшествии («Столица»).*

4. Каждое употребление пословицы *мир не без добрых людей* является фактом реакции на ту или иную социальную ситуацию.

Пословица *мир не без добрых людей* напрямую связана с категориями доброты и отзывчивости и отражает ценностные ориентации пользователя паремии. Появление паремии в тексте в исходном виде свидетельствует как о вере носителя языка в глобальное добро, так и о потребности в этой вере. Пусть мир «не без греха», но он не может (не хочет) быть без добра.

Примечательно, что трансформированные варианты пословицы зачастую все же сохраняют положительный смысл (*на Руси не без добрых людей, свет не без добрых зверей, свет не без добрых самаритян, мир не без добрых судей* и др.). «Злые» трансформации количественно проигрывают (*на миру не без желчных людей, мир не без завистников, в мире не без воровства*).

Достаточно частотное использование паремии *мир не без добрых людей* в художественных и публицистических текстах, любое ее преобразование говорит о востребованности данной единицы в социуме, обогащении ее смысла и добавлении новых «штрихов» к картине социальной действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева; под общ. ред. В. М. Мокиенко. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.

Б. Ю. Норман (БГУ, Минск, Беларусь; Университет Трира, Германия)

ОТ ВАРЬИРОВАНИЯ СЛОВОПОРЯДКА К СОЗДАНИЮ НОВОГО СМЫСЛА (ХИАЗМ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ)

Хиазм – преобразование в речевой деятельности говорящего, при котором на протяжении высказывания (или соседних высказываний) синтаксические позиции «обмениваются» предназначенными для них лексемами. Такая фигура речи весьма популярна в русском фольклоре – пословицах и афоризмах (*Молодец против овец, а против молодца и сам овца; Шуты любя, но не люби шутя; Жить хорошо. А хорошо жить – еще лучше!* и т. п.). Наряду с хиазмом эксплицитным, можно выделять также хиазм скрытый, имплицитный, при котором перевернутая структура рассматривается на фоне «привычного» положения дел, ср. потешки типа: *Лыко мужиком подпоясано; Корова бабу доит; Ехала деревня мимо мужика, глядь – из-под собаки лают ворота...*

С лингвистической точки зрения, при хиазме переносятся в иные позиции не слова, а семемы (которые могут быть выражены разными корневыми морфемами, в том числе омонимичными, и разными частями речи). Об этом говорят примеры вроде: *Поглядишь: хандра все любит, А любовь всегда хандрит* (П. Вяземский); *Лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас; Счастье есть, но есть – вот несчастье*.

В основе хиазма лежит простая механическая перестановка, допускаемая правилами словопорядка и словообразования. Такое преобразование может быть «безвредно» для смысла (ср.: *Таня с Яшей – Яша с Таней; уродливый красавец – красивый урод; дыры в носках – носки в дырах* и т. п.). Однако нередко результатом его становится создание нового смысла, и тогда хиазм становится фигурой речи, стилистическим приемом. Показательны в этом смысле современные газетные заголовки, рекламные слоганы, новые афоризмы: *Спорт мира и мир спорта; Право силы исключает силу права; Поколение кризиса или кризис поколения; Человек не выбирает время – время выбирает человека; Говори, что думаешь. Но думай, что говоришь; Хвост вертит собакой* и т. п.

В художественной литературе синтаксический перевертыш позволяет художнику создать иную, виртуальную картину мира, он переворачивает с ног на голову привычные отношения между реалиями, ср. *Меня не любят вещи* (Ю. Олеша); *У сына родился отец* (А. Битов); *Уши машут ослом* (М. Шишкин); *Писателя делает скандал* (Д. Донцова).

Наиболее очевидна эффективность хиазма в поэзии: тут это преобразование осуществляется в рамках одной ритмической структуры – строки или строфы. Один из самых ярких, известных уже более столетия примеров – эпиграмма В. Гиляровского. Она в изящной форме рисует извечную и неразрешимую проблему России:

У нас в России две напасти:

Внизу – власть тьмы, а наверху – тьма власти.

Примеры хиазма можно обнаружить в творчестве М. Цветаевой, Б. Пастернака, В. Хлебникова, Б. Корнилова, Д. Самойлова, Б. Ахмадулиной, В. Высоцкого и других авторов. Нередко механическое лексико-синтаксическое преобразование приводит к когнитивному сдвигу, к изменению сущностных составляющих картины мира. Два примера:

Наверно,

люди сначала придумали границы,

а потом границы стали придумывать людей.

Границами придуманы

полиция, армия, пограничники,

границами придуманы тамошни и паспорта

(Е. Евтушенко);

Не трожь человека, деревце,

Костра в нем не разводи...

Не бей человека, птица.

Еще не открыл отстрел...

(А. Вознесенский).

Использование хиазма в таком случае помогает поэту выразить концептуальные, философские сущности – такие, как «абстрактное» и «конкретное», «живое» и «неживое», «человек» и «окружающая среда». Не удивительно, что этот прием занимает в поэзии такое важное место среди изобразительных средств.

В качестве объективных предпосылок хиазма можно выделить целый ряд факторов – как собственно языковых (свобода словопорядка, система предложно-падежных форм, развитость словообразования и др.), так и психофизиологических (особенности кратковременной памяти, эстетическая ценность повтора, эффект обманутого ожидания и др.)

А. Носрати (Исфаханский университет, Иран)

ВАРИАТИВНОСТЬ РУССКОГО РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА НА МАТЕРИАЛЕ ПОЖЕЛАНИЙ-ПРОЦАНИЙ

Изменения в структуре языка являются естественной, неотъемлемой и неизбежной чертой всех языков. Эта черта существовала всегда и рассматривалась с разных точек зрения.

Языковые изменения можно разделить на два типа: случайные и целевые. Случайные изменения встречаются в повседневном общении, но часто они не полностью находятся под контролем говорящего. А целевые скорее детерминируются экстралингвистическими факторами. К ним относятся культурно-общественные факторы и конкретные ситуации общения. Они могут влиять на разные аспекты языка и, таким образом, вызывать различные фонетические (*че?* – разговорный вариант произношения местоимения *что?*), лексические (*сэндвич* вместо слова *бутерброд*), синтаксические (*Прив. Планы?* вместо предложения *Привет! Какие у тебя планы на завтра?*) разновидности.

При непрерывности языковых изменений скорость языковой эволюции в разные периоды отличается. Русский язык, так же как и другие языки, претерпел изменения, которые можно заметить в русском этикете. Одним из важных моментов в этой сфере является динамика пожеланий типа *хорошего дня!* ‘*have a good day!*’, *приятного вечера!* ‘*Have a nice evening!*’, *удачной поездки!* ‘*have a safe journey!*’, *приятных выходных!* ‘*have a nice weekend!*’ и т. д., появившихся в русском языке сравнительно недавно, в последние три–четыре десятилетия:

Все это продавщица укладывает в пакет и вручает путешественнику. – До свидания, удачной поездки.

Речь идет о стандартной обстановке, такой, как общественный транспорт, улицы, учреждения и др. Эти этикетные стереотипы-пожелания очень давно существуют в английском языке. Можно считать, что они действительно представляют собой кальки и проявление влияния других языков, контакты с которыми у русского языка в недавние годы стали более частыми. Еще к одной формуле пожелания, представляющей интерес, относится выражение пожелания при прощании типа *берегите себя!* ‘*take care!*’. Само собой разумеется, что мы тут опять имеем дело с калькой с английского языка.